

Массимо ЛЕОНЕ
ИТАЛИЯ

Massimo LEONE
ITALY

Доктор философии
Профессор философии и семиотики университета Турина
Профессор семиотики университета Шанхая

Язык пандемии

Можно ли предположить, что эпидемия коронавируса повлияла на наш язык? Думаю, пока еще рано об этом говорить, потому что эпидемия еще продолжается, принося с собой культурные изменения. Необходим последующий анализ, чтобы все выяснить. Также нужно будет уточнить, что имеется в виду: язык как способность общения в целом? вербальный язык? естественные языки? или другие знаковые системы? Конечно, некоторые тенденции прослеживаются уже сейчас, но не совсем четко. До пандемии особенность нашего общения состояла в постоянной мобильности, наиболее часто задаваемый вопрос был: «Где ты сейчас?». Для тех, кто связывался друг с другом, будучи в разных странах, этот вопрос был естественным, потому что они предпочли сидячему образу жизни эстетически-кочевую игровую форму. Сегодня же этот вопрос больше не имеет смысла для большинства населения планеты. Все сидят дома, а тот, кто этого не делает, вынужден скрывать свои действия, чтобы не подвергнуться осуждению. Поэтому главный вопрос теперь не «Где ты?», а «Как ты?». Так мы возвращаемся в прошлое, когда не так важно было знать, где находятся люди, а что с ними и как поживают члены их семьи.

Другая тенденция, типичная для бедственных ситуаций, - это единая тема для разговоров: в публичном или личном общении мы ни о чем другом не говорим. Вирус – самый главный герой всех разговоров. Чтобы сменить тему, нужно придумать парадоксальное высказывание, однако такое

отступление длится недолго. По сравнению с другими знаковыми системами, коммуникация до пандемии часто основывалась на представлении себя другим. Ключевым коммуникативным форматом этой коммуникации были селфи. В период пандемии, конечно же, количество селфи значительно уменьшилось. Когда кривая пандемии только начинала расти, находились люди, которые считали маски поводом для шуток, но потом шутки закончились, а вместе с ними и маски. Остаются только «героические» селфи врачей и медсестер, которые из селфи становятся портретами, потому что за ними нет ничего, дальше – только трагедия и смерть.

Для всех людей, включая ВИП-персон и селебрити, необходимость представления себя другим сменилась желанием представить других себе. Человек сегодня чувствует себя одиноким, изолированным, лишенным контакта с другими людьми. В социальных сетях мы переходим от формата моноселфи к мультиселфи, мозаичному коллективу, лоскутному изображению лиц в Zoom и на других платформах. Так мы уверяем себя и других, что мы не одиноки, что сообщество продолжает существовать, хотя бы виртуально. Фатическая функция языка, указывающая на существование канала связи, становится гипертрофированной, особенно среди новых пользователей платформ видеоконференцсвязи: они то и дело повторяют: «Вы меня слышите?», «Вы меня видите?» и т.п. Также подразумевается, что общий эмоциональный настрой публичного или частного общения отличается избытком эмоций в ущерб когнитивному содержанию. Впрочем, вполне вероятно и то, что из-за перерыва большинства видов нормальной деятельности нам действительно мало что есть сказать друг другу, мы можем только делиться впечатлениями, идеями, эмоциями или планами и действиями в отношении пандемии.

Пандемия коронавируса спровоцировала так называемую “инфодемию”, то есть распространение огромного количества информации, часто поступающей из непроверенных источников. Можно попытаться противостоять ей точно так же, как мы пытаемся противостоять пандемии.

Но к сожалению, вакцины не существует ни для одной из этих пандемий. Она могла бы существовать и быть произведенной раньше, но для этого понадобилась бы организация с комплексом превентивных мер, которых так сейчас не хватает, чтобы справиться и с пандемией и с рисками инфодемии. Сейчас уже поздно. Когда пандемия пройдет, надеемся, что вместе с инфодемией, тогда, не будучи в эпицентре опасности и страданий, необходимо будет продумать заранее, как улучшить инфраструктуру распространения информации, в том числе и путем автоматической организации. Очевидно, что в нынешнем чрезвычайном положении, чтобы защитить себя от пандемии, нет другого пути, кроме как самоизолироваться дома, избегая заражения себя и других и сохраняя только самый минимум жизненно необходимых контактов. Точно так же необходимо тщательно выбирать каналы коммуникации, отдавать приоритет наиболее авторитетным, причем не только с точки зрения общепринятого знания, но и с критических позиций. Но для того, чтобы разобраться, какие источники авторитетные, а какие – лживые, требуется специальная подготовка, которую должны давать хорошие университеты на отделениях журналистики и коммуникации.

Кроме того, мы нуждаемся в изменении менталитета. Мы должны перестать думать, что маска нужна единственно для того, чтобы защитить нас от других людей, и осознать, что она также предназначена для защиты их от нас самих. Так же точно нам требуется понять, что бороться с инфодемией можно только с помощью маски образования, причем маски двусторонней: с одной стороны это защита от потребления необоснованных идей, а с другой – препятствие для передачи таких знаний остальным людям. Мы все являемся переносчиками инфодемии, считая себя здоровыми, потому что даже не знаем, что распространяем фейковые новости, а когда замечаем это, то уже слишком поздно, и нашими заблуждениями «заражены» сотни и тысячи людей. Осторожность необходима и когда мы слушаем и когда говорим. Журналисты должны быть немного похожи на добросовестных медсестер и помещать непроверенную информацию на карантин, ожидая, что она или

окажется ложной, или исчерпает себя, или станет правдой. Однако слишком часто журналисты ведут себя, как рассеянные врачи, которые порой распространяют инфекцию, даже не зная об этом. Если же это происходит сознательно, то они заслуживают осуждения, как доктор, нарушивший клятву Гиппократа.

Пандемия изменила наши лица, лицо каждого человека. Прежде всего, речь идет о физических лицах: мы сидим дома на самоизоляции и нам не хватает лиц других людей или же, наоборот, мы чувствуем навязчивое присутствие лиц близких родственников и т.д. Порой все идет хорошо, и тогда мы заново открываем для себя любовь, дружбу, братство. Но бывает и наоборот, когда вы не можете выносить постоянное присутствие лица другого человека. В публичном пространстве лица тоже меняются из-за появления масок. Маска – предмет, к которому западный мир не привык, за исключением специфических ситуаций визита к зубному врачу или хирургу. Если речь идет о посещении семейного врача, то там маска не обязательна. Теперь же мы видим маски повсюду, и они наделяют публичное пространство медицинским смыслом. Но есть и другие культуры, где этого не происходит. Например, для культур стран Дальнего Востока маска более привычный предмет. Частично это объясняется тем, что они пережили другие серьезные эпидемии в прошлом, или тем, что стали жертвой террористических атак, нацеленных на дыхательную систему, таких как зариновая атака в Токийском метро. Другая причина в том, что в азиатских странах совсем другое представление об индивидууме и обществе: маска надевается не только для защиты себя от других, но и для защиты других от себя. Маска там используется повсеместно, она превратилась в привычку и даже в предмет моды.

Тем не менее я думаю, что мы не сможем полностью привыкнуть к маске. Как я пытаюсь доказать вместе с группой коллег-исследователей в моем европейском научном проекте FACETS, посвященном репрезентации темы лица в современном обществе, именно лицо является главным

интерфейсом в общении. Это очень важный социальный интерфейс, мы не привыкли видеть его закрытым, особенно ту его часть, которая включает нос и рот. Для нас рот ассоциируется с устной речью и улыбкой. Поэтому у нас складывается впечатление, что мы не можем нормально общаться с человеком в маске. Во многих культурах есть этот контраст, который проявляется на уровне лексики, в словах *лицо* и *морда*. Маска превращает наши лица в морды, но нам ничего не остается, как смириться и начать понимать, что этот предмет защищает и нас и общество. Это предмет, за которым в один прекрасный день мы надеемся представить себе улыбку других людей, в ожидании того счастливого момента, когда для всего мира изобретут вакцину.

1 мая 2020 г.

Перевод с разрешения автора: И.Г. Меркулова, ГАУГН

(Translation with the author's permission: I.G. Merkoulouva, GAUGN)